

Бай По поймал себя на мысли, что со времени своего прибытия на Срединные равнины он изрядно растерял былую проницательность. Случалось, конечно, ошибаться в людях, но чтобы настолько обмануться в человеке... это было впервые. И как только ему могло прийти в голову, будто стоящий перед ним парень — безобидный недотёпа, которого легко запугать? Видимо, здешний воздух и впрямь притуплял чутьё.

Страхнув наваждение, он спросил:

— Когда начнём?

— Хворост и масло я уже припрятал в ключевых местах города, — отозвался Ван Шо. — Сегодня ночью разделимся. Ты займёшься Западной улицей, я — Восточной. Как только полыхнёт, встретимся у каменной арки на Срединной улице, а оттуда двинемся напрямик к казармам.

— И всё уже готово? — Бай По удивлённо приподнял бровь.

Собеседник молча кивнул.

"Надо же..." — мысленно хмыкнул По. Он-то полагал, будто безумная затея спалить город дотла родилась у Ван Шо сиюминутно, от отчаяния, а тот, оказывается, вынашивал и просчитывал этот план не один день. Выходит, он действительно недооценил этого тихоню.

Бросив на молодого человека беглый взгляд, Бай По устало махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Ван Шо послушно поднялся с места и направился к выходу, лишь в дверях тихо бросив напоследок:

— Отдыхайте.

Как только шаги за дверью затихли, Бай По вскинул голову. В глубине его тёмных глаз заиграл странный, нечитаемый огонёк.

Ван Шо... Разумеется, он сам виноват, что расслабился. Но только ли в этом дело?

Юноша задумчиво уставился на закрытую дверь. Неужели этот парень не притворялся дураком намеренно, ведя свою тонкую, расчётливую игру?

Ночь выдалась тёмной и ветреной — идеальное время для скрытных дел. Недавние дожди смыли удушливый летний зной, уступив место бодрящей прохладе ранней осени. Бай По невольно вспомнил, как весной совсем один спускался с горы Восхождения к Небесам. Тогда

обочины дорог пестрели пышными, яркими бутонами, и всё вокруг дышало молодой, неудержимой силой. И вот, незаметно для него самого, наступила осень.

Миновала третья стража, близился час Быка. В убаюканном ночной тишиной Хучжоу и люди, и звери давно спали. Лишь неприкаянный ветер свистел в пустынных переулках. Пробираясь вдоль двухэтажных деревянных усадеб, Бай По без труда находил в затенённых углах бочки с горючим, заботливо припрятанные Ван Шо. Дело оставалось за малым: раздуть тлеющий факел и поднести огонь.

Он успел подпалить уже пять домов, когда за его спиной со стороны спящих кварталов донёсся первый встревоженный крик.

По переулкам эхом покатались истошные вопли: «Пожар! Горим!». Заспанные люди распахивали двери, выбегали на улицу, поднимался крик и плач. Бай По замер посреди мостовой и медленно обернулся.

Там, откуда он только что пришёл, ночной небосвод окрасился багровым заревом. Огненные сполохи, жадно пожирая дерево, выбрасывали ввысь густые, клубящиеся тучи дыма, затмевающие звёзды. Шум докатился и до ближних домов: в окнах торопливо зажигали светильники, ставни с треском распахивались, наружу высовывались испуганные лица.

Он бесстрастно наблюдал за тем, как паника охватывает квартал за кварталом. Люди, цепenea от ужаса, кричали при виде ревающего вдали пламени. Наконец несколько крепких мужиков, сохранивших остатки разума, принялись созывать соседей. Горожане бросились обратно в дома, хватали ушаты, ведра, тазы — всё, что попадалось под руку, — и гурьбой бежали к очагу возгорания. Хучжоу был застроен почти исключительно деревянными домами, и если бушующую стихию не остановить сейчас, огонь за считанные мгновения слизнёт всю улицу до основания.

Сонный покой окраины растаял без следа. Улицу заполонила кричащая, суемящаяся толпа, устремившаяся на борьбу с огнём. Бай По высился среди этого безумия неподвижным изваянием, провожая взглядом бегущих мимо горожан. На его безупречном лице не дрогнул ни один мускул. Развернувшись, он неторопливо зашагал в противоположную сторону — туда, где кварталы ещё дремали в блаженном неведении.

Они мчались ему навстречу — измученные, бледные от страха люди, пытавшиеся спасти от гибели свои дома. А он, окутанный облаком белоснежных одежд, плавно скользил сквозь людской поток, словно призрак. Небрежным движением достав из-за пазухи новое огниво, он принялся лениво крутить его между пальцами. Бушующее сзади море огня, крики и паника казались лишь застывшим, безжизненным холстом, на фоне которого разворачивалось его безмолвное шествие.

Впереди кварталы стремительно пустели — все устремились на борьбу со стихией. Теперь Бай По даже не приходилось таиться: он просто приседал, поднося огонь к заготовленным бочкам, и шёл дальше.

Вскоре и над Восточной улицей взметнулось багровое пламя. Противоположный конец города, только что мирно спавший, взорвался многоголосым воплем. В этот миг организованное сопротивление рухнуло. Те немногие, кто ещё пытался сдерживать пожар, опустили руки: одни бросились спасать свои семьи, другие лихорадочно вытаскивали из домов сундуки с пожитками, стремясь поскорее убраться из обречённого города.

Ошалевшие от страха стражники из управы не могли не то что восстановить порядок — они банально не могли пробиться сквозь обезумевшее людское море. Сброд всех мастей быстро сообразил, что к чему: пользуясь неразберихой, мародёры принялись вламываться в лавки и усадьбы богачей. Весь Хучжоу превратился в бурлящий адский котёл, а редких солдат, пытавшихся хоть как-то сдержать толпу, просто сбивали с ног и затапывали в пыли.

Благодаря искусству лёгкости Бай По без труда миновал забитые улицы и добрался до Срединной площади, но у памятной каменной арки Ван Шо ещё не было.

Подойдя ближе, юноша коснулся ладонью шершавого холодного камня и небрежно прислонился к колонне. Доносившиеся со всех сторон истошные, полные отчаяния крики женщин, детей и стариков словно обтекали его стороной. Безжалостный огонь застиг город врасплох: немощные калеки и одинокие старики заживо сгорали в своих постелях, не в силах выбраться из огненных ловушек. Но даже те, кому удалось вырваться на волю, гибли под ногами обезумевшей от ужаса толпы на забитых улицах.

Запрокинув голову, он безучастно всматривался в багровые выси. Ночной небосвод полыхал алым, раскалённым цветом, словно закатное солнце над бескрайней летней пустыней. Если приглядеться, этот багрянец пугающе напоминал свежую кровь.

Мысли унесли его куда-то далеко. Юноша горько и едва заметно усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли тепла.

Ван Шо примчался тяжело, задыхаясь от быстрого бега. Сквозь клубы гари он сразу разглядел условленное место: у каменной арки, безмолвный и отрешённый, стоял юноша в ослепительно белых одеждах, устремив взор в полыхающие выси. За его спиной стеной вставало яростное пламя, вокруг метались обезумевшие люди, под ногами валялись обломки мебели и брошенные вещи — но этот странный чужак казался островком абсолютного спокойствия. Он совершенно не вписывался в бурлящий вокруг ад, тихо царя в своём собственном, уединённом мире.

"Словно сошедший на землю небожитель..." — невольно подумалось Ван Шо.

Но он тут же мысленно одёрнул себя, горько усмехнувшись. Разве пристало истинному святому с таким холодным изяществом взирать на предсмертные муки простых смертных?

Отгнав неуместные фантазии, Ван Шо с трудом восстановил сбившееся дыхание и поспешил к

напарнику.

— Быстрее, уходим! — выдохнул он, согнувшись пополам и уперевшись руками в колени, чтобы хоть немного отдышаться.

Бай По давно уловил его тяжёлые, надрывные вдохи. Скользнув равнодушным взглядом по согнувшейся фигуре, он язвительно процедил:

— И вот с таким жалким телом ты ещё рассчитываешь добыть карту Лишиту? Смешно.

Ван Шо медленно выпрямился. Не проронив ни слова, он упрямо уставился на собеседника. В отвесах бушующего за их спинами пожара он прищурился, и в его взгляде полыхнул хищный багровый огонь.

Бай По на мгновение опешил от этого взгляда. Отвернувшись, он резко ухватил напарника за шкуру и сильным толчком взмыл в воздух, унося их прочь от площади.

"Какая быстрая месть", — подумал Ван Шо, болтаясь в крепкой хватке юноши. Он слегка прищурился от встречного ветра, ни секунды не сомневаясь, что Бай По вполне мог переносить его куда более бережно, а не тащить, словно куль с мукой.

В полёте Ван Шо предусмотрительно держал рот замкнутым, не желая захлебнуться яростным встречным потоком. Но вдруг он услышал едва слышный шёпот Бай По:

— Ван Шо, ты хоть понимаешь, сколько душ сегодня обретёт здесь вечный покой?

Ван Шо на мгновение показалось, что он ослышался. Спросил ли это Бай По на самом деле, или то был лишь свист ветра? С трудом преодолевая сопротивление воздуха, он задрал подбородок, всматриваясь в лицо летящего юноши.

Бай По упрямо смотрел прямо перед собой, но, почувствовав движение ноши, на мгновение опустил взгляд. Ван Шо послушно отвёл глаза.

"Он ждёт моего ответа?" — подумал он.

Но как на такое ответить?

Ван Шо промолчал. Бай По тоже не стал настаивать. Лишь свирепый ветер с воем проносился между ними, заглушая биение их сердец.

Прошло немало времени, и Бай По уже оставил всякую надежду услышать ответ, когда сквозь

свист ветра до него долетел глухой, пугающе спокойный голос:

— Жертвовать другими ради собственной выгоды... Это первое, чему меня научили в детстве.

Бай По никак не выдал, что услышал его. Он всё так же стремительно перелетал с крыши на крышу, лавируя над бурлящими внизу толпами. И лишь когда редкие отсветы пожара выхватывали из темноты его лицо, можно было заметить, как он горько сжал губы и какая мрачная тень легла на его чело.

<http://bllate.org/book/18409/1868907>